

ОБНИМАЮ, ЦЕЛЮЮ, ЛЮБЛЮ

РАССКАЗ

ЕВГЕНИЙ КРЕМЧУНОВ

Родился в Смоленске, сейчас живет и работает в Чебоксарах. Поэт, прозаик, эссеист. Автор книги стихотворений «Облако всех», романов «Деление

на ночь» (2019, в соавторстве) и «Волшебный хор» (2023), повестей. Дванды становился финалистом национальной литературной премии «Большая книга» (2020, 2023).

Женя всегда знала, что родилась под счастливой звездой. И всякий раз благодарила Бога, когда вспоминала. Она появилась на свет в последний день прошлого века, а ведь могла бы там, в двадцатом столетии, так и остаться – частицей несбывшегося, одним из бесчисленных, горьких, не проросших плодов. Семнадцать лет будет Жене, восемнадцатый, когда мать впервые бросит ей в лицо, что лучше бы сделала с ней аборт, как и собиралась. В семье уже росли тогда два мальчика, одному пятнадцать, другому двенадцать, и третья беременность была случайной, скользкой, нежеланной. Отец приезжал весной в отпуск с вахты, и как-то вот не убереглись. Мать долго колебалась. Когда звонила на север отцу – о тягости своей помалкивала. Да отец, наверное, и отмахнулся бы, что реши уж там как-нибудь сама. А настояла свекровь, отговорила, отстояла: «Лучше сдашь в детдом, – сказала она, – все меньше душе грех, чем убить».

Свекровь полтора года спустя умерла, муж однажды не вернулся от своих русских северов, сыновья скоро выросли и, конечно, тоже уехали из поселка – один служить, другой учиться. Осталась у матери одна малая, ну и куда ее теперь девать-то было? Росла себе тихо, неприхотливо, что драцена в темном уголке.

Книги и школу Женя не любила, скучала: до школы ходить от дома далеко, до библиотеки и того дальше, – в детстве нравился ей один только телевизор «ГолдСтар» со своим огромным и особенным внутренним миром, а потом, как подросла, полюбила она лес за поселком и речку. Давала деревьям и птицам лесным имена одноклассников и соседей, лепила плоскими камушками «блинчики» на речной глади. Бродила она когда одна, когда с дворовым своим щенком Громом, которого ей подарил брат-пограничник, сам же и сколотивший для него ладную будку. Вопреки нежному возрасту, лаял щенок залившимся и уже оглушительным басом. Носился, мелкий, по окрестностям без поводка. «У обоих что голова без ума, что ноги без покоя», – только и вздыхала мать. На речке Женя познакомилась случаем с дядей Колей из заводского общежития, было ему тогда, наверное, тридцать с небольшим, и во всякое время года он – всегда какой-то худой, усатый и взъерошенный, как хлопец-переросток, – приходил в избранные места на берегу со своими удочками. Немного-словное внимание девочки, верно, нравилось ему, и он иногда делился с ней своими рыбацкими байками да премудростями. А чаще просто сидели молчали над поплавками – друзья не друзья, а так, соседи, соучастники. Случалось, видели на том берегу дяди-Колиного крестного брата, тоже

любителя порыбачить, махали ему приветственно. «Здоров, брательник! – гоготал из-за речки тот. – Нешто опять с невестой сидишь бездельничает?» Дядя Коля только усмехнется в усы, отмахнется, как от мошки: «Вот же балаболка, одно и то». Но Женя смущалась, сердилась про себя. Несколько лет спустя старший – а для нее, для девчонки, и «старый» уже – приятель пропал, уехал, верно, куда из поселка.

В последние два школьных года ее сердце занял Руслан, небрежно красивый мальчик-ровесник, сын нового начальника службы безопасности завода, приехавший с отцом из областного центра. Жене даже удалось стечением чудесных обстоятельств, оправленных чугуном ее упрямством, попасть в компанию, центром которой тот, конечно же, оказался. Продержалась она с ними, впрочем, недолго: ее и прежде всегда считали в классе немножечко того, а чем дальше, тем больше мнение высшего общества – и самого предмета Жениных мечтаний и вздыханий – в этом укреплялось. Ну и денег у матери-медсестры, само собой, таких не было, чтобы оплачивать дочке необходимые развлечения. Платить же постоянно за нее, конечно, никто не собирался – так что невидимые лучи Жениной звезды быстро засветили в сторону иных тропинок. Руслан этот несколько лет спустя женился на другой девушке из параллели. Их молодая семья, надо сказать, оказалась не очень крепкой, не слишком счастливой. Через год с небольшим после свадьбы жена его погибла, выпав ночью с балкона подаренной родителями квартиры в элитной новостройке. Темная история, которую обсуждал, слюнявя, весь поселок. Следствие установило несчастный случай, а Руслана вскоре отец отправил подальше – кажется, в столицу. Да Женя уже особо-то и не интересовалась, переболела давно.

После школьных выпускных экзаменов ей не хватило четырех баллов для поступления в колледж, и она устроилась до следующего лета санитаркой в районную больницу к матери. Но в первые же месяцы нагуляла себе где-то на ветрах девичьей свободы ребенка. Мать была в ярости, рыдала, ругала, допытывалась. Настаивала, чтобы эта дуреха, которая и жизни-то еще в глаза не видела, не ломала себе судьбу и избавилась от плода. Ну хорошо, можно оступиться, но что упорствовать в таком пустяке? Женя молчала и упрямо держалась, сколько было мочи. А как только отчаяние стало уж совершенно невыносимым –

мать попала в реанимацию с обширным инфарктом. Развился перикардит, ее перевезли в город. Когда состояние улучшилось и мать вернулась наконец домой, то для вмешательства, которого она требовала, вышли возможные сроки. По человеческому закону стало, к счастью, уже поздно. «Ох и дрянь ты редкостная, Женька, – укоризненно приложила ее мать. – Но ладно, уж Богу всяко виднее». «А мы рады, что ты вернулась», – без вызова ответила Женя. В первый раз сказала за множественное число.

Повезло ей и в том, что беременность была тяжелой. Из поселковой консультации перевели пациентку на учет в областной перинатальный центр. И хотя там для медперсонала все они, беременные и роженицы, были одним обезличенным «потокком», хотя во время чудовишно долгих, тягостных Жениных родов пожилая акушерка и хлестала ее по лицу – привести в чувство, «чтобы тужилась, как учили, а не ревела мне тут», – и хотя медсестры не помогали ей в первые часы новой жизни, когда Женя не умела правильно приложить свою кроху к груди, когда опять ревела ревмя и молила дать смесь, а те отвечали ей, дескать, ничего, обожди, ребенок сутки у тебя поорет от голода, мигом научишься – и да, она научилась, – несмотря ни на что, ей, слава Богу за все, очень повезло с перинатальным, потому как с другим оборудованием и с другим персоналом вряд ли она вообще вытянула бы это.

Уже в общей палате, на третий, что ли, день, к вечеру, случилось такое. Манюня спала в своей люльке под лампами рядом с другими младенцами. Тихо болтали о чем-то своем о женском соседки. А у Жени было беспокойно на душе. То и дело подходила она к кроватке, осторожно брала малышку на руки, носила кругами по палате. Под удивленными взглядами женщин клала спящую обратно. Но, не высидев и пяти минут, шла за ней опять. Беспокойство выкручивало что-то у нее внутри. «Да угомонись уже ты, – не выдержав, сочувственно шепнула старшая из соседок, когда Женя в очередной раз поднялась на ноги. – Спит твоя доня и спит. Радуйся, что тихо, что время есть полежать спокойно. Она лежит, и ты ляг». Одна улыбнулась, другая качала головой. Но спустя мгновение после того, как Женя, не обращая внимания на советчицу, взяла Машеньку на руки, развернулась и сделала шаг-другой в сторону, над дочкиной кроваткой взорвалась лампа, иссекши всю простыню крошечными осколками.

И с именем ведь тоже получилось как удачно. «Отец неизвестен, – попросту сказала Женя в загсе. – Имя Мария, что значит желанная. Отчество Евгеньевна. Фамилия моя».

Так на девятнадцатом своем году она стала мамой. На двадцатом – сиротой: мать не пережила второго инфаркта. Братья мельком приезжали на похороны, но сразу же после них вновь почти пропали из сестрицыной жизни. Деньгами немного помогали поначалу. А на двадцать первом году неожиданно для себя стала Женя женой. После полутора лет она отдала свою ляльку в ясли, а сама вернулась в больницу санитаркой. И там-то в райбольнице негаданно-нежданно однажды в сентябре столкнулась в коридоре со своим старым добрым дядей Колей. Тот приходил оформить справку по диспансеризации для завода или что-то такое. А назавтра, в следующую смену, заявился к ней с цветами. Так вот просто само все и сложилось. Из общежития он ушел, стал жить с ними в старом доме матери. Чудно, что и огромный, лохматый Гром сразу Николая признал.

Мужу шел уже пятый десяток. Оставался он таким же, как и прежде, жестким, жилистым и взъерошенным, только морщины прорезались да проступила седина. Она испытывала благодарность к этому мужчине: и что с ней самой был он всегда молод и терпелив, и что Манюшу баловал, как свою, и что не жалел спустить даже и долговые последние деньги на букет или на сладости, и что курить и в ливень, и в самую стужу всегда выходил на крыльцо, и что – в конце-то концов – семья. Семья ведь собралась теперь у Жени, радость. Да, бывало всякое, пил. Пил Николай редко, но крепко. Случалось, и бранным словом супругу прикладывал, и кулаком учил – рука у него была горячая и тяжелая – всякое успело побывать. Все как у всех. Но отходил легко, и обещал, и она отчего-то верила и так же легко прощала. Говорила себе, будто бы взрослая и мудрая: что случается в семье – остается в семье. Только вот – и двух лет не прожили – пришла беда. Прошлой весной, как Родина позвала, муж ушел добровольцем. Звонил оттуда очень редко – и хотел бы чаще, объяснял, да возможности нет. Денежное довольствие полностью переводил ей. Столько денег она и не видывала раньше, но себе и дочке брала из них по минимуму, только на необходимое, будто боялась чего-то, откладывая почти все: половину держала на карте, половину хранила наличны-

ми – в большой жестяной коробке от подарочного чая, вместе с документами.

Когда в августе начались обстрелы, было как-то поначалу даже и не страшно, а просто странно. Били с той стороны в основном по заводским цехам, они стояли на дальнем от границы конце поселка. Однажды снаряд разорвался в центре, на автобусной остановке около администрации. Потом случились два прилета возле универмага – ранним утром, людей еще никого не было. Обходилось пока без жертв, разве только раненые. Но школу и детские сады закрыли, пришлось Жене взять административный отпуск, чтобы сидеть с Маруськой. Было, конечно, ой, не просто целыми днями глядеть за этой шилопопкой. Не загаданной когда-то в мечтах будущей мамы кроткой куколкой, подружкой, наперсницей – дочка росла своенравной упрямницей. Да, развитой, подвижной и смышленной. Доброй, да. Только вот на одном месте дольше пяти минут эта егоза существовать не умела, требовала с каждым днем все больше внимания, капризничала, чтобы читать с ней книжку, играть в дочки-матери или в тили-тили тесто, в прятки, в магазин и в тысячу других приключений – с самого раннего утра и до ночи. Выматывало это втрое сильнее работы, иногда до раздражения. Да плюс хозяйство. Да обстрелы.

А золотой осенью, в октябре, случилось, старый их Гром, видимо, от воя сирен оповещения совсем слетевший с катушек, однажды молча, без лая бросился на игравшую у крыльца дочку – ладно, вовремя екнуло Женино сердце, едва успела выскочить из дому на визг, отбить, подхватить на руки, отогнать. Грома после этого пришлось отравить.

Даже весной, когда сирены, пожалуй, сравнялись по длительности с тишиной между ними или уже превзошли ее, у их дома прилетов ни разу не было и близко. Будто бы вместе с соседними, из которых, впрочем, все, кроме стариков, поезжали, накрыли его невидимым и неуязвимым покровом. Но они, конечно, все равно береглись. Приходила тревожная эсэмэска – тут же спускались в подпол, сидели до отбоя тревоги. Слышали вой сирены – спускались. Звук разрыва вдалеке – в подпол.

Дочке Женя объяснила, что в погребе они укрываются по-учебному. Что это солдаты там наверху тренируются и учатся стрелять, а все люди

В пакетик она аккуратно сложила документы на дом, свидетельство о браке, фотографию из загса, где они втроем, банковскую карточку – и вместе с наличными припрятала пакет под одеждой. Подумав, сунула в набитый рюкзак и бабину иконку. Свой паспорт, немного денег и дочкино свидетельство, сложенное в файле, положила в боковой карман.

должны в то же самое время научиться хорошо прятаться.

- А папа тоже наш солдат? – спрашивала закутанная в старый плед Муся.
- Да, тоже, милая.
- А когда папа вернется?
- Вот как победит с друзьями врагов, и сразу он к нам с тобой вернется, милая, – говорила Женя. – И спросит строго, как ты тут слушалась, пока его не было.

Оповещение об эвакуации началось в четверг после полудня. Работали ретрансляторы на улицах, прошли две телефонные рассылки, до поздней ночи по домам и квартирам ходили участковые, бойцы теробороны и волонтеры. Постановление оперативного штаба предписывало населению явиться завтра к десяти часам утра на сборный эвакуационный пункт по адресу администрации, куда будет подан транспорт для перевозки жителей в места временного размещения. Тревожный рюкзак стоял у Жени давно собранным. Но вечером, уложив дочь, она проверила все еще раз: запасная одежда для себя и Машуньки, нижнее белье, носки, гигиениче-

ские свои дела, жгут-таблетки-вата-бинт, КЛМН: кружки, ложки, миска, нож, – так, несколько упаковок лапши быстрого приготовления, консервы, две полторашки воды, спички, фонарь, зарядник. В пакетик она аккуратно сложила документы на дом, свидетельство о браке, фотографию из загса, где они втроем, банковскую карточку – и вместе с наличными припрятала пакет под одеждой. Подумав, сунула в набитый рюкзак и бабину иконку. Свой паспорт, немного денег и дочкино свидетельство, сложенное в файле, положила в боковой карман.

Позавтракав, одевшись, отключив электричество и газ, они присели в кухне на дорожку, когда Женя спохватилась. Пора было выходить. Но ей стало невыносимо страшно – страшнее, чем когда выли сирены или дрожала от далеких разрывов земля. Она вдруг подумала, представила, что может никогда уже не вернуться в свой дом. Ей захотелось схватить доню и просто спрятаться вдвоем с ней в подвале – от людей, от жизни, от смерти, от всего. Даже от Бога спрятаться и тихонько ждать там внизу, когда вернется за ними один-единственный человек. Женя схватила на углу стола листки для записок и быстро написала: «Коля, нас увозят». Потом дописала: «Эвакуация». И еще внизу: «Обнимаю, целую, люблю». Крепко наклеила бумажку на холодильник, где всегда, и опять села. Она очень боялась идти, но чувствовала, что еще минута, еще мгновение, вдох – и она сорвется. Женя открыла красные от бессонницы глаза, взяла дочь за руку, они ушли.

На сборном эвакуационном пункте у здания администрации в начале десятого часа оказалось еще немногочисленно. Женя покрутила головой в поисках знакомых. Углядела на одной из скамеек возле большой клумбы свободное место рядом с неизвестным обритым наголо юношей в толстовке и в накладных наушниках, по годам ее ровесником или около того. Она утомленно устроилась рядом, а Марийка принялась играть в какие-то сами собой возникающие игры, наворачивая круги вокруг скамейки. Люди начинали подходить, каждый по своей ниточке, толпиться. В небе не было ни облака, солнце жарило совсем по-летнему, и от настоящей, тяжелой духоты их отделяло не больше часу-другого. Хорошо, что сразу надели панамку, подумала Женя, пришлось бы сейчас в рюкзаке рыться. Люди стояли тихо, замерев,

как в сказке. Из штаба эвакуации никто пока к уже собравшимся не выходил. Все происходящее казалось текущим сквозь них сном – плавным, легким, медленным, тополиным. Следя взглядом за своей кружащейся шилопопицей, Женя увидела, как мимо скамейки прошла беременная, едва тянущая за собой внушительных размеров чемодан на колесиках. Срок, по всему, был у нее уже немалый. Женщина остановилась в сторонке, неподалеку, вполборота к ним, и пыталась теперь тяжело отдышаться. Свободное платье не скрывало округлившегося, выпяченного живота. Женя смутилась, отвела глаза, взглянув на сидевшего рядом парня, но тот равнодушно и бессмысленно смотрел в пространство перед собой, полное недоступной ее слуху музыки. «Садитесь, пожалуйста! – помахав женщине и вставая, громко сказала Женя. – Малыш, пойдем вон туда в тенек к деревьям, пусть пока тетя с дядей тут посидят на скамеечке».

Манюнька, кивнув ей, со смехом и криком рванула в ту сторону быстрее ветра. Вскинув на плечи рюкзак и уже спиной услышав слова благодарности, Женя скорым шагом двинулась за дочкой, стараясь не терять из виду цветастую панаму и мелькающий сарафанчик. Вспомнила с мгновенной досадой, что не поставила на листке для Коли дату, забыла, дуреха. Отчего-то сейчас ей почудилось это важным – дата. Ни с того ни с сего мысленно взглянула на себя со стороны: легкая футболка, тяжелый рюкзак, легинсы, косынка – сама как малая. «Эй, девочка!» – вот-вот сейчас окликнут. И вдруг почувала, как быстро и неотвратимо сжимается вокруг нее вся та огромная и маленькая жизнь, которую видела она за двадцать три неполных своих года, как этот прозрачный шар касается границ ее тела, миллионом игл прокалывает кожу насквозь и схлопывается внутри. Побежав, она еще успела прежде слуха поднять к небу глаза и увидеть, как обрывается там, наверху, последняя, едва осязаемая взглядом, тоньше тоненького волоска нить. Шорох, свист, резкий скрежет сползающего с крыши мира исполинского шифера – и разорвавшийся за спиной воздух толкнул ту легчайшую частицу, что от нее, живой Жени, оставалась, куда-то вперед, в темноту, где она наконец открыла глаза и, поднимаясь на четвереньки, покачиваясь и контуженно мотая вокруг разбитой головой, увидела сидящей невдалеке под деревом дрожащую свою Машу с распахнутыми глазами и прижатыми ко рту ручонками. Увидела,

как в глухом кино, силуэты бегущих, ползущих и лежащих людей. Увидела в грязном и рваном небе над собою случайную, тусклую, как солинка или слезинка, беспилотную звездочку. Увидела позади на месте клумбы большую воронку, по краям которой обрывками валялись развороченные, смятые, будто цветной пластилин в детских ладошках, скамейки.

